

Обретение веры

Признания американской молодежи

Часто приходится слышать в православной среде, что Америка зашла слишком далеко на пути гордого посприятия Божьих законов и что «вавилонскую блудницу» ожидает справедливое и суровое Божие наказание — потоп или другого рода гибель. Реже звучит предположение о том, что Господь по Своему человеколюбию долготерпит эту страну ради небольшого числа американских праведников, «благопропорционального», если так можно выразиться, для всей страны (например, для Содомы и Гоморры Богом было установлено число 10). Один из русских православных священников, побывав в США, к своему удивлению обнаружил, что американская молодежь сегодня подвержена гораздо меньшему растлению, чем в России, благодаря своевременной реакции общественности и мерам правительства. Сегодня в США действует несколько православных центров. Главный из них — Ново-Валаамский монастырь святого Германа на Еловом острове (Аляска), издававший ежемесячный журнал «Смерть миру» (*Death to the World*)¹, который, несмотря на свой небольшой формат, объем (23 страницы), скромный тираж и самое скромное качество бумаги (практически самиздат), находит живой отклик в сердцах американской молодежи, в прямом смысле слова спасая не просвещенных светом Православия американцев и американок от опасных душевных ловушек, тупиков и смерти. Подтверждением тому служат многочисленные письма в адрес журнала от тех, кто чудесным образом обрел спасительный путь православной веры после долгих мучительных поисков. Ряд из них предлагаются вашему вниманию с незначительным сокращением.

«Мои родители развелись, когда мне было 4 года. Я был младшим в семье и жил с моей мамой и сестрой в маленьком коттедже в лесу. Я старался быть утешением для них, когда они преодолевали жизненные невзгоды. Хотя сам тоже нуждался в утешении. Мать моя, художник и прямой потомок Авраама Линкольна, научила меня слову «сострадание». Единственным моим утешением было тихо сидеть в лесу и думать о сострадании до тех пор, пока не заплачу.

Когда я мог чувствовать скорбь, я знал, что жив. Это чувство скорби было дорого мне. Это была Исти-

на. Курирующий в колледже профессор любил меня, потому что я мог слезно скорбеть по малейшему поводу. Везде я находил причину для слез и скорбных вздохов. Я оплакивал падение первых людей. Оплакивал удаленность от Бога.

Я всегда искал повод быть осмеянным. Я желал быть гонимым и ненавидимым миром. Мир не мог прощать, и я не заботился о том, замучит ли он меня, повесит ли или оставит как мертвого. Когда мне было 19 лет, я начал посещать собрания методистов, но после них у меня оставалось смущение. Казалось, что мир проник всюду. Однажды я пришел к методистам в шортах и футболке с надписью «Хранить веру — как такомбы» с изображением кулака сверху. Никто со мной тогда не желал разговаривать.

Рос я вблизи Нью-Йорка и всегда ездил в город на автобусе самостоятельно. Мама моя беспокоилась из-за этого, и я прибегал ко лжи. Я слонялся вокруг бомжей и везде рисовал граффити. Моя подпись была «монах». Я был другом тех, кто не «шел куда-то в этот мир». Я носил одну и ту же одежду месяцами и редко мылся... Я хотел быть один и чувствовать одиночество... С людьми я чувствовал несовместимость — лишь открою рот, как все на меня с удивлением смотрят... я писал песни, наша музыкальная группа имела название «Монах». Мои друзья называли меня «монах». Я сам желал познать, что такое монах. Не раз мне приходили мысли о самоубийстве. Я пытался покончить с собой и ругался с психотерапевтами в школе, которые больше всех меня расстраивали. Любил тяжелую физическую работу, но трудоустроиться не мог. Единственная личность, которая давала смысл жизни мне, был Христос. Я не спрашивал Его. Я изучал буддизм, индуизм, даосизм в поисках Христа.

...В Нью-Йорке я стал работать почтальоном, разъезжая по городу, как маньяк. Я был в отчаянии, зная, что есть более важное в жизни, чем еда, одежда и крыша над головой. Мир был подобен жестокой машине, упорно роющей собственную бездонную могилу.

В 1994 году я жил девять месяцев в общине «Церкви объединения». Я думал, что, возможно, я монах. Продавал цветы водителям, останавливающимся на красный светофор. Однажды ночью девушка пересекла улицу, возвращаясь из колледжа. Я подарил ей цветок. Ее имя было Наталья. Она спросила, чем я занимаюсь. Я ответил, что ищу Бога и пытаюсь услышать Его ответ. Она, кажется, поняла. Я долго до

¹ В настоящее время выходит в рамках журнала «The Orthodox Word».

этого думал, что никто меня не понимает. Мы обменялись адресами. «Церковь» начала просить меня взять на себя обязательства, которые я определенно не мог выполнить, и я уехал оттуда.

Летом 1995-го мой хороший друг Майк нашел меня в лесах восточной Пенсильвании. Он привез мне книгу в подарок, сказав: «Я прочитал и понял, что тебе нужно иметь ее сейчас же». Называлась она «Путь странника». Нет слов, как я благодарен был другу за эту маленькую книжку. Казалось, что она описывает Небеса: странник путешествовал по русским краям, ища духовных наставников, чтобы научиться от них непрестанной молитве. Там были монастыри, духовные отцы! Было ощущение, что это — фантастическая история! Но нет, это была правда. Что за странные слова: «Утренняя», «Литургия»?.. Я носил с собой только эту книжку и карманную Библию. *Лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову* (Мф. 8, 20).

По окончании лета стало все труднее определяться с жизнью. Не было у меня планов. Единственное, чего я хотел, — это сотрудничать с чем-то, что больше меня и мира.

Осень 1995 и зиму 95—96 годов я пережил в подземном туннеле. Рядом со мной был близкий друг Джим. Мне было тогда 23 года. Мы соорудили жилище, куда забирались по веревке, собирали воду и мылись у водозаборного крана. Пищей нашей были выброшенные в мусорку продукты в пакетах. Провели электричество от портового блока питания. Грелись у костра, который разжигали дровяшками со строительных свалок. Зима тогда выдалась самая холодная за всю историю Нью-Йорка. Над землей — минус 10, под землей — минус 20. Ветер выл в туннеле, как ураган. Я вспоминал Наталью. Связался с ней. Встретились в парке. Показал ей мой «Путь странника». Ей была знакома книга. Рассказал, что живу, как странник, в туннеле, и был удивлен, что она попросила меня показать ей наше жилище. На прощание она оставила мне номер журнала «Смерть миру». В конце января она вернулась и пригласила меня на вечернюю службу в православную русскую церковь в районе Ист-Виллидж, о которой я никогда не слышал. Когда богослужение в этой маленькой церкви закончилось, я испросил у священника в черной рясе возможности встретиться с ним.

С середины февраля я устроился на работу вахтовым методом на судне в Беринговом море у берегов Аляски, благодаря случайно увиденной в газете рекламной строке: «Трудоустройство на Аляске — заработать денег». Неделями я не видел дневного света и едва мог стоять на палубе из-за огромных волн. С собой у меня всегда был «Путь странника», а когда я ослабевал, читал: «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня».

Тем временем Наталья бросила свои курсы в колледже и улетела в Сиэтл. Там женщина дала ей бесплатный билет в порт Анкоридж (Аляска). В горах к северу от Анкориджа она отыскала небольшую христианскую общину, где ее пригласили пожить какое-то время. После завершения вахты я присоединился к

Рембрандт. Возвращение блудного сына

ней и там обнаружил подшивки журналов «Смерть миру». Вскоре Наталья представила меня как странника отцу Павлу в черной рясе и с длинной черной бородой. Он приветливо отнесся ко мне и благословил готовиться к Утрени. Утренняя? Как в книге? Я потерял дар речи. Лишь тихо поблагодарил Бога и уснул. Утренняя проходила в маленькой часовне Святого Сергия. В последующие несколько дней я начал осознавать, что благодатью Божией был поставлен на путь жизни «странника». Здесь тоже была Литургия и духовные наставники... В изумлении я рассказал им о туннеле, книге «Путь странника», церкви в Ист-Виллидж, вахте на корабле. Они направили меня на маленький остров рядом с Кдьяком, где я мог бы встретить живых монахов.

То, что я пережил на этом острове, нельзя выразить словами. Там было мирное уединение. Спокойствие и полная тишина проникли в мою душу. Все вокруг меня — огромные покрытые мхом деревья, острые утесы берега — слушало Бога и было совершенно покорно Ему. Насколько ниже я был всей этой тварной природы в своей упорной вольности! Как я желал оставаться с природой и пребывать в полном послушании у Бога! Когда я стоял среди тихого леса, я желал только одного — быть прощенным. Я хотел быть только православным христианином. Монахи приняли меня — неприспособленного к жизни человека из киша-

боли. Жизнь на земле коротка, так что давайте иметь дело с болью, которая нас ждет на пути. С каждого начинается дело по облегчению или утяжелению страданий всего человечества через перенесение собственной боли».

*Ангелина (Уайлдвуд, Калифорния).
«Смерть миру», № 3, 1994 год.*

«Образ снятия кожуры с лука приходит мне на ум. Я осознаю, что, когда снимаешь тонкую кожуру сверху, то едкое острое начинает источаться из сердцевинки. Постепенно слезы начинают течь из глаз, когда снимаешь слой за слоем... но сама сердцевина сладкая и стоит слез. Когда я пришла к Богу, я имела слои ран вокруг сердца. Каждая причиняющая боль ситуация, испытанная когда-то, образует слой в стене вокруг моей души. В конце концов я возопила к Богу и позволила Святому Духу проникнуть в мое сердце. Он начал помогать мне верить в моего Любящего Спасителя. Я научилась возлагать все мои заботы на Иисуса Христа вместо того, чтобы копить их внутри. Моление о прошлом позволяет снять приобретенные слои боли. Поначалу я хотела устранить, остановить страдание и сдержать слезы. Зловоние моего прошлого удерживает меня от поднятия новой ноши. Физические, как и эмоциональные, раны очевидны. «Ненавижу так рыдать», — говорю себе. Любящий Бог напоминает, что Он сотворил мои слезы. Они источник очищения, омытия и исцеления в моей жизни».

Лесли Уинберри (Реддинг, Калифорния).

«Машина безумным образом вышла из-под контроля по дороге на вечеринку к моим друзьям. Когда она на скорости врезалась в уличный фонарный столб и развалилась на части, из нее вылетели два тела, одним из которых было мое... В 16 лет моей главной заботой было слоняться с друзьями, слушать музыку и наилучшим образом провести время, чтобы преодолеть чувство боли и отчаяния. Я была разгневана на мир. Моя душа искала то, ради чего можно умереть, что-то, во что я могла бы верить, и что было действительно истинным.

«Организованная религия» не дала мне ответов, но на моем собственном пути я обращалась к Богу в сердце, умоляла Его показать, во что верить.

Мой ум был настолько заблокирован, что не удерживал в памяти деталей того почти фатального дня, когда я должна была умереть. Но я все-таки помню, что лежала на дороге, вся залитая кровью, думая: «Это случилось. Я умираю». Также помню яркое синее небо и мысль о том, как я впустую прожила жизнь. Жила для себя и все делала, исходя из самолюбия. Именно тогда я захотела жить. Захотела жить, чтобы видеть новый восход солнца, чтобы вдыхать воздух. Захотела жить, чтобы каждый день был как будто действительно последний, чтобы смотреть на мир глазами ребенка, чтобы сказать моей семье, что люблю их. Из-за боли я громко кричала, что хочу умереть, но внутри я действительно хотела жить снова. Я знала, что Бог был со мной. Я очнулась после хирургической операции спустя шесть часов, чтобы узнать о тридцати процентах, оставшихся у меня на жизнь.

Сквозь туман я услышала, как кто-то сказал: «Ты потеряла все свои волосы под хирургическим ножом, но ты была крещена православной христианкой, когда священник пришел, чтобы причастить тебя Святых Таин. Это был ответ Бога, и теперь я живу для Него».

Монахиня Наталия.

«Милостивый Боже! Меня смущают помыслы. Мой отец сказал мне, что таких явлений, как Ты — нет, а моя мама говорит, что она не уверена. Она не любит говорить об этом. Даже моя сестра, которая обычно верила в Тебя, уже не верит. Она думает, что если бы был Бог, то жизнь бы не причиняла такую боль. Я до сих пор верю в Тебя, но иногда забываю. Я извиняюсь за это. Я говорила с моим дядей. Он верит в Тебя, но кажется, будто он никогда не сделает того, что Ты бы сделал. Положение вещей становится все более смущающим. Я думаю, что Ты оставил меня, потому что я перестала Тебя вспоминать. Я не верю в Тебя, потому что они мне так говорят делать — мол, Бога не стало.

Когда мы молоды, мы знаем Бога, но когда мы вырастаем, нас учат выпустить Его из памяти. Мы более не летаем высоко на крыльях и не хватаем небо, потому что Бог уже не там, потому что есть другие вещи, что тянут нас назад. Мы оглядываемся назад и удивляемся, что же это было, и только в смущении мы все-таки продолжаем верить. Мы отвергаем мир, и получается глупо. В конце концов, уже в яме заблуждения и отчаяния, мы даем себе еще один шанс обратиться к Богу, и в своей боли (если она настоящая) мы получим достаточно сил обратиться к нему — и Он выслушает.

...Это то, что мы выбрали: мы выбрали Бога вновь. Мы все еще отвергаем мир, но теперь мы стоим вместе, не позволяя миру съесть нас окончательно».

Мэри Кнехт (Уайлдвуд, Калифорния).

«Я вырос в обычной семье. Мой отец умер, когда мне было три года, от сердечного приступа, связанного с употреблением алкоголя, и я был рад иметь нового отца и новую сестренку с новым старшим братом. Но мы не стали жить счастливее после этого. Мой сводный брат, чувствуя зависть и гнев от развода в его семье и от вынужденности жить на новом месте с новой семьей, начал вымещать свой гнев на ближних. Он начал мучить меня разными способами, пока мне не исполнилось тринадцать лет и я не развился в очень небезопасного подростка. Я жил в моих собственных фантазиях и действительности, которую я создал. Брат не мог меня ранить в ней. Я ходил в церковь каждое воскресенье и почти каждую среду. В храме пел и слушал, но ничего не слышал. Даже там я был в своей действительности. В это время я вступил на путь панка. Панки были единственными людьми, которые относились ко мне с уважением и не унижали меня. Я начал носить синий «ирокез» и тяжелые армейские ботинки. Это было в 1986 году в одном сельском городке Орегона. Там меня стал мучить каждый, кому не лень. Из-за моей индивидуальности в меня стреляли, меня кололи ножом и били. Однаж-

что теперь меня ведет? Недавно, одержимый духом святотатства, я схватил и поцарапал образ Пресвятой Богородицы, а теперь я кающийся... Так что, пожалуйста, простите меня. Я настолько несовершенный, очень грубый и не знаю, как делать что-то и где начинать каяться»

Неизвестный автор.

«Во внутренней тюрьме есть кто-то, где-то Ожидаящий, чтобы выйти на свободу, Чтобы сокрушить фасад И показать, кто действительно за ним. Выступи в мир с улыбкой на лице, Не дай кому-то узнать, что ты грустен, Не дай кому-то узнать, что ты более не можешь воспринимать все как раньше.

Ты уже вдоволь получил от мира и его притязаний, Но ты застрял в тюрьме своего ума. Ты хочешь чего-то реального, чего-то истинного, Чего, ты знаешь, нет в этом мире. Твоя тюрьма — это также твоя жизнь, Где ты сидишь в одиночном заключении, Ты не можешь связаться ни с кем. Есть разговоры, но бессмысленны слова. Ты обнаружил трещину в стене твоей камеры. Ты спешишь залатать ее, чтобы никто не пролез

сквозь нее, Иначе кто-то сломает твои стены, Оставив тебя беззащитным. Иисус находит и стучится в твою дверь. «Есть кто-нибудь?» — спрашивает Он. «Да!» — ты хватаешь Его руку и вытаскиваешь себя наружу, разрушая стены навсегда, и, более того, Теперь ты можешь улыбаться с радостью в сердце: Ты нашел что-то более этого мира И ты знаешь, что ты свободен, Как никогда; Твоя душа нашла убежище, Она более не в заключении, Она сбросила свои кандалы Раз и навсегда!!!»

Кэролина Коен (Индианополис, Индиана).

«...Я убивал себя миллион раз. О, Господи, мои преступления... Я увидел правду и сейчас — это сейчас, Я просто не вижу, как. Долг, который я должен, Этот мир никогда не узнает. Ты, Кто сотворил меня, помилуй меня! Я не могу купить, или продать, или обменять. Единственный конец, который вижу, — Быть мучеником».

*Джош Думболд (Санта Роза, Калифорния).
«Смерть миру», № 12, 1997 год.*

«Стоит страдать, Господи, Желая умереть? Или я предал бы Тебя, о Господи, я ли это был? Следую путем комфорта. Люблю ровный путь.

А если он сделается узким и трудным, тогда, Господи, заблудился бы я?

До сих пор не было опасности. Нож к горлу не приставляли.

Среди жизненных волн сохранится ли моя вера наплыву?

Я действительно должен спросить. Господи, пошел бы я или не пошел бы за Тобой, если Истина открылась бы?

Я, правда, не знаю. Моя поступь не от хорошей ли погоды, когда жизнь идет благополучно?

Не просто ли из страха попасть в ад я следую за Тобой?

Пожалуйста, открой внутренняя моя. Услышь мое сердце, услышь мой крик. Мог ли я действительно предать Тебя, мой Милосливый Господь, я ли это?»

Л.Р.Ройстон (Мемфис, Теннесси).

«...Он был презрен и отвержен, Человек скорбей, Знакомый со страданиями, Тот, от Которого люди прячут лица. Он был презрен, И мы не оценили Его. Но почему, почему? Этот Человек, этот Бог Должен был умереть. Он умер за меня. Он умер за нас. Мы не приняли Его жизнь. Он сложил ее. Поэтому Бог вознес Его на самое высокое место И дал Ему имя большее из всех имен. Так, что при имени Иисус Каждое колено должно приклониться, И каждый язык исповедует, Что Иисус Христос есть Бог»

*Обадиа Мадсен (Фальгстафф, Аризона).
«Смерть миру», № 12, 1997 год.*